

Путешествіе графа Н. П. Игнатъева изъ Константинополя въ Петербургъ послѣ константинопольской конференціи.

Въ самый день моего отъѣзда изъ Константинополя, за нѣсколько часовъ до моего отплытія на „Эрикликъ“ врачъ султана явился ко мнѣ съ предложеніемъ устроить мнѣ аудіенцію у Абдуль-Гамида, который готовъ былъ принять меня немедленно, ежели бы я выразилъ на это желаніе. Врачъ попытался объяснить отказъ султана принять всѣхъ уполномоченныхъ по недомоганіямъ и флюсамъ, который теперь прошелъ. Я сослался на невозможность отложить свой отъѣздъ и не согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе потому, что рѣшеніе уѣхать изъ Константинополя было принято представителями державъ *совмѣстно* и если бы представитель Россіи былъ принятъ султаномъ передъ отъѣздомъ одинъ, то отказъ султана принять всѣхъ представителей былъ бы, конечно, приписанъ моимъ интригамъ по отношенію къ *моимъ коллегамъ*.

Старшій сынъ австро-венгерскаго посланника, бывшій венгерскій министръ гр. Іосифъ Зичи, находившійся во время конференціи въ Константинополѣ, держалъ себя такъ странно, что его поведеніе могло поддержать въ туркахъ надежду, что имъ удастся поселить рознь между державами. Такъ, напр., онъ появился на улицахъ Стамбула и на балу, данномъ муниципалитетомъ, вмѣстѣ съ венгерскими студентами, пріѣхавшими изъ Будапешта съ почетной саблей, которая была поднесена Абдуль-Кериму; очевидно, онъ хотѣлъ этимъ подчеркнуть солидарность, существовавшую между софтами и „мадьярами“. Приглашенный султаномъ на обѣдъ, онъ произнесъ рѣчь въ честь Оттоманской

конституціи и братства, существующаго между турками и мадыарами.

Шодорди, французскій уполномоченный, оставшійся въ Константинополѣ послѣднимъ въ ожиданіи парохода, шедшаго въ Варну, видѣлъ передъ отъѣздомъ Мидхада; по его словамъ, султанъ былъ въ угнетенномъ состояніи духа и былъ готовъ исполнить приблизительно всѣ требованія, предъявленныя Портѣ конференціей, за исключеніемъ учрежденія международныхъ контрольныхъ комиссій; онъ утверждалъ, что только мусульманское общественное мнѣніе (которое онъ самъ всячески возбуждалъ до послѣдней степени въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ) помѣшало ему дѣйствовать иначе. Онъ высказалъ желаніе—очевидно, съ цѣлью снискать благожелательство западныхъ державъ—обратиться къ Европѣ съ просьбой прислать ему ученыхъ и специалистовъ по всѣмъ отраслямъ управленія, чтобы положить начало эпохѣ дѣйствительныхъ реформъ.

Между тѣмъ, въ рѣчи, произнесенной великимъ визиремъ въ Большомъ Совѣтѣ, на который хотѣли возложить часть отвѣтственности министровъ за ихъ отказъ подчиниться ультимативнымъ требованіямъ уполномоченныхъ, Мидхадъ рисовалъ совершенно инныя перспективы, не имѣвшія ничего общаго съ обѣщаніемъ принять предложенія Европы. Излагая положеніе дѣлъ, онъ выводилъ заключеніе, что отъ Европы ждать болѣе нечего и что „всякій мусульманинъ долженъ вооружиться на защиту своей родины“.

Порта просила у Англіи нравственной поддержки, аванса въ 500.000 ф. ст. или содѣйствія къ заключенію займа въ Лондонѣ. Мидхадъ намекалъ на то, что Англія отказала въ займѣ, но выразила желаніе, чтобы „была провозглашена конституція и чтобы власть султана была ограничена“.

Нашъ посланникъ въ Римѣ, баронъ Иксуль, въ своемъ донесеніи отъ 23 января (4 февраля) за № 3, передаетъ свой разговоръ съ маркизомъ Салисбюри передъ его проѣздомъ изъ Константинополя въ Англію.

„Лордъ Салисбюри не заблуждается на счетъ внутренняго положенія Турціи. Онъ полагаетъ, что турецкая имперія находится въ совершенномъ упадкѣ и что она вскорѣ распадется. Анархія достигла послѣднихъ предѣловъ. Мидхадъ-паша и его друзья, подстрекая народъ къ революціи и возбуждая умы, создали такое положеніе вещей, которое Порта не въ состояніи измѣнить. Онъ признаетъ, что коллективное выступленіе Европы не удалось. Тѣмъ не менѣе работы конференціи не прошли

безплодно и хотя державы не смогли примирить на совѣщаніи всѣхъ разногласій въ области политики и личныхъ интересовъ, но онѣ нашли почву, на которой установилось соглашеніе. *Было разсѣяно мною недоразумѣній и побѣждено взаимное недоверіе.* Была признана необходимость ввести въ Турціи реформы. Была выработана программа, которая останется быть можетъ связующимъ звеномъ между державами и послужитъ основой для новыхъ переговоровъ.

„Онъ сожалѣетъ объ упрямствѣ Порты, которая, будучи предоставлена самой себѣ, никогда не будетъ въ состояніи ни провести обѣщанныхъ реформъ, ни довести до благополучнаго конца переговоры, начатые ею съ Сербіей и Черногоріей. Вотъ въ чемъ заключается опасность. При подобномъ положеніи вещей Турція, какъ опасается маркизь Салисбюри, едва-ли избѣгнетъ опасности иностраннаго вмѣшательства. Онъ надѣется однако, что ежели дѣло дойдетъ до этого, то ни одна европейская держава не захочетъ принести особыхъ жертвъ и затянуть настоящій кризисъ, поддержавъ монархію, которой суждено рано или поздно погибнуть. Однако, разнородные интересы державъ на берегахъ Босфора и Дуная внушаютъ не мало заботъ великобританскому министру. Онъ задается также вопросомъ, какая судьба ожидаетъ многочисленныя христіанскія народности, находящіяся подъ владычествомъ Турціи, въ случаѣ ежели турецкая имперія распадется. По его мнѣнію, кабинеты великихъ державъ теперь же должны были бы заняться этими важными вопросами.

„Россія сдѣлала всѣ уступки, которыя были совмѣстимы съ ея достоинствомъ ¹⁾. Она не ищетъ войны, она не хочетъ быть изолированной отъ Европы, но она хочетъ обезпечить осуществленіе реформъ, признанныхъ конференціей необходимыми. Если бы европейскій концертъ разстроился, Россія, вѣроятно, нашла бы для себя болѣе выгоднымъ немедленно прекратить это положеніе вещей, нежели допустить возможность повторенія періодическихъ потрясеній, которыя наносятъ ущербъ ея торговлѣ и парализуютъ ея силы ²⁾.

„Онъ полагаетъ, что между Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами установится по этому поводу окончательное согла-

¹⁾ Величайшая побѣда русскаго представителя на конференціи состояла именно въ томъ, что англійскій посланникъ признался въ этомъ иностранному кабинету.

²⁾ Изъ этого видно, что мнѣ удалось настроить своихъ коллегъ такъ, какъ я хотѣлъ, и заставить ихъ принять русскую точку зрѣнія.

сіе. Ежели русская армія перейдетъ Дунай, то австро-венгерскія войска займутъ Боснію. Онъ *убѣжденъ* въ томъ, что кабинетъ нашего августѣйшаго монарха *дѣйствуетъ* *вполнѣ* *безкорыстно* и *не стремится* ни къ какому *территориальному* *приобрѣтенію* на Балканахъ; но австро-венгерскій кабинетъ требуетъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Онъ *опасается* этой возможности, которая, нарушивъ европейское равновѣсіе, можетъ *повлечь* *за собою* цѣлый рядъ требованій и вызвать опасныя столкновенія, коихъ исходъ нѣтъ возможности предвидѣть.

„Гр. Торніели и министръ иностранныхъ дѣлъ убѣждены, повидимому, въ томъ, что маркизъ Салисбюри говоритъ *вполнѣ искренно* и что онъ твердо рѣшилъ настаивать на своемъ мнѣніи и не дѣлать никакихъ уступокъ лорду Биконсфильду“.

Съ точки зрѣнія дипломатической эта депеша свидѣтельствовала о полномъ успѣхѣ, достигнутомъ мною на конференціи; Императорскому кабинету оставалось только использовать его и пожать плоды, а онъ сдѣлалъ наоборотъ все возможное, чтобы парализовать результаты этого успѣха.

Желая достигнуть всеобщаго успѣха и изолировать на конференціи Турцію, я старался узнать взгляды моихъ коллегъ и избѣгалъ ставить открыто и опредѣленно вопросъ о военной оккупации Болгаріи русскими войсками, давая въ то же время ясно понять во время преній, что, по моему убѣжденію, дѣятельное вмѣшательство со стороны Россіи было единственнымъ практическимъ средствомъ заставить турокъ исполнить предъявленныя имъ требованія. Мы же какъ будто ставили эту мѣру въ зависимости отъ рѣшенія державъ, которыя въ противномъ случаѣ должны были бы однѣ нести отвѣтственность за всѣ бѣдствія христіанскаго населенія и за могущую произойти рѣзню. Я согласился на предложенный Италіей компромиссъ—пригласить бельгійскую и швейцарскую жандармерію только потому, что, по моему убѣжденію, это былъ самый вѣрный, хотя нѣсколько окольный путь, чтобы привести русскія войска въ Болгарію, при рукоплесканіяхъ Европы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только было бы приступлено къ осуществленію реформъ, намѣченныхъ конференціей, какъ только европейская контрольная комиссія вступила бы въ исполненіе своихъ обязанностей, опираясь на поддержку 5 или 6 тысячнаго отряда бельгійскаго войска, возбужденіе мусульманъ достигло бы крайнихъ предѣловъ: они поняли бы, что настала послѣдній часъ ихъ владычества въ Болгаріи, и, конечно, сдѣлали бы послѣднее усиліе, чтобы удержать его въ своихъ ру-

кахъ. При первомъ же избіеніи европейскихъ жандармовъ или христіанскаго населенія, которое эта жандармерія *не въ состояніи была бы защитить* отъ нападенія мусульманъ, мы вступили бы, вѣроятно, одновременно съ румынскими войсками въ Болгарію, чтобы поддержать вооруженной силой *авторитетъ Европы* и заставить уважать его.

Мнѣ удалось достигнуть единодушія представителей и заставить ихъ добиваться намѣченной мною цѣли, поставивъ передъ ними слѣдующую дилемму: принимая во вниманіе, что англійскія требованія представляютъ, съ точки зрѣнія Россіи, *минимумъ*, отъ котораго ничего нельзя было убавить и на который мы согласились только изъ уваженія къ Англии и изъ желанія установить между кабинетами полное согласіе, то ежели оно не будутъ прочно обезпечено въ глазахъ турокъ, Россія сочтетъ себя въ правѣ приступить къ выполненію своей собственной программы, гораздо болѣе полной и радикальной, нежели программа европейскихъ державъ.“

Изъ Константинополя я отправился въ Аѣны, чтобы не дать пищи зависти, которую старались возбудить въ Греціи противъ славянъ вообще и болгаръ въ частности; мнѣ хотѣлось изучить мѣстную почву и удостовѣриться въ настроеніи партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось провѣрить справедливость слуха, циркулировавшаго въ Константинополѣ, будто на случай войны между Россіей и Турціей и между Австро-Венгріей и Греціей было заключено политическое и даже военное соглашеніе.

Пробывъ нѣсколько дней въ Аѣнахъ, я видѣлся за это время со многими лицами, въ особенности изъ окрестныхъ жителей и пріѣхавшихъ изъ сосѣднихъ провинцій, и былъ пораженъ тѣмъ, что населеніе, въ разстояніи 40 километровъ отъ Аѣнъ, уже не говоритъ по-гречески, а по-албански и что въ греческой столицѣ проживаетъ много болгаръ. Эти болгары, равно какъ и депутаціи отъ оессалійцевъ, эпиротъ и критянъ, явились ко мнѣ въ отель, чтобы привѣтствовать меня и поднести мнѣ благодарственные адреса за прошлое и выразить свое желаніе добиться независимости. Всякій разъ, какъ мы съ женою выѣзжали въ экипажѣ, у воротъ дома насъ ожидала толпа народа. Однажды въ этой толпѣ я замѣтилъ между прочимъ герцога Единбургскаго и князя Баттенбергскаго (того, который служилъ въ англійскомъ флотѣ).

Эти постоянныя манифестаціи въ честь русскаго представителя въ Константинополѣ вызвали неудовольствіе англійской

партіи и привели въ бѣшенство Делигеоргиса, желавшаго внушить всѣмъ и каждому, что никто не сочувствовалъ русской политикѣ и что онъ одинъ давалъ тонъ въ духѣ англійской партіи и силлогосовъ, относившихся въ высшей степени враждебно ко всему славянству. Въ городѣ и въ особенности среди македонскихъ силлогосовъ—членовъ самаго воинствующаго изъ греческихъ политико-литературныхъ обществъ въ Аѣинахъ, распространился слухъ, будто македонскіе болгары, на глазахъ у грековъ, явились ко мнѣ, въ самыя Аѣины съ требованіемъ присоединить ихъ родину къ Болгаріи и „получили отъ русскаго посланника удовлетворительный отвѣтъ“. На собраніи силлогосовъ было рѣшено устроить немедленно, въ тотъ же вечеръ, контръ-манifestацію въ видѣ протеста противъ демонстраціи славянъ, чтобы засвидѣтельствовать о живучести греческаго элемента въ Македоніи. Отчетъ объ этой контръ-манifestаціи, напечатанный впоследствии *ad usum delphini* въ Аѣинскихъ и Вѣнскихъ газетахъ, грѣшитъ противъ истины.

На самомъ дѣлѣ, нѣсколько сотъ лицъ, на вербованныхъ партіей Делигеоргиса, собравшись передъ домомъ, гдѣ помещалось общество силлогосовъ рядомъ съ садомъ Великобританскаго посольства, продефилировали по улицамъ, остановились передъ моимъ отелемъ, гдѣ меня не было въ моментъ манифестаціи, съ криками: „Да здравствуетъ король Георгъ! да здравствуетъ Македонія! да здравствуетъ Греція!“ и т. д. Покричавъ передъ отелемъ, толпа манифестантовъ направилась ко дворцу, гдѣ я обѣдалъ въ то время вмѣстѣ съ женою. Прокричавъ то же самое подъ окнами дворца, македонскіе силлогосы, сопровождаемые довольно большою толпою любопытныхъ, пошли къ дому перваго министра Комундуроса. Въ концѣ концовъ полицейскому префекту удалось успокоить ихъ и они самымъ мирнымъ образомъ возвратились во дворъ дома, занимаемаго обществомъ силлогосовъ. Во время этого шествія не раздалось ни одного непріязненнаго возгласа по адресу „русскаго посланника“ или непосредственно противъ славянъ.

Король Георгъ говорилъ мнѣ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на распространяемые слухи, будто греки относятся враждебно къ Россіи. Въ рѣшительный моментъ исчезнуть интриги и зависть, существующая по отношенію къ болгарамъ: тогда врагъ и интересы станутъ общими.

Королю было извѣстно о происшедшихъ манифестаціяхъ и о моихъ разговорахъ съ лидерами партій. Онъ одобрилъ все мною сказанное; онъ серьезно думалъ готовиться къ войнѣ и

хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы увеличить территорію Греціи. Онъ понималъ, что турецкая конституція, если бы она оказалась удачною, была бы опасна для Греціи и для надеждъ христіанскихъ народностей. Онъ доволенъ Комундуросомъ и говоритъ, что Делигеоргисъ смѣется надъ увлеченіемъ короля торпедами для защиты греческихъ береговъ. Король сознался, что онъ болѣе всего уважаетъ Трикуписа, какъ честнаго человѣка.

Русскій посланникъ Сабуровъ, провожавшій меня до Коринѳа, утверждалъ, что „посѣщеніе Аѳинъ будетъ очень полезно для русской политики; оно пробудитъ эллиновъ и оживитъ ихъ симпатіи къ намъ; манифестація македонскихъ силлогосовъ имѣла по его словамъ цѣлью низвергнуть Комундуроса, но она безусловно не удалась; грековъ по его мнѣнію легко будетъ увлечь въ борьбу; онъ говоритъ, что я знаю въ Аѳинахъ гораздо больше политическихъ дѣятелей и даже чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, нежели онъ“.

Бесѣдуя съ лидерами партій, я убѣдился въ томъ, что Комундуросъ не располагалъ опредѣленнымъ большинствомъ и не сегодня завтра могъ пасть. Делигеоргисъ былъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, былъ лживъ, расположенъ къ Англіи и очень враждебно настроенъ къ славянамъ. Онъ не хотѣлъ добиваться отставки Комундуроса, такъ какъ, располагая въ палатѣ всего 18 голосами, не рассчитывалъ удержаться во главѣ правительства. Кромѣ того, онъ полагалъ, что международное положеніе послѣ конференціи не благопріятствовало осуществленію греческихъ надеждъ; онъ хотѣлъ выждать окончанія кризиса, чтобы осыпая Комундуроса упреками за то, что онъ ничего не достигъ и ничего не сдѣлалъ для блага Греціи. Онъ боялся, что, достигнувъ преждевременно власти, ему пришлось бы взять на себя отвѣтственность за то, что мечты грековъ рушились, тѣмъ болѣе, что противники не преминули бы обвинить его въ томъ, что „онъ раздражилъ Россію, которая относится къ нему несочувственно за его нетактичность и сдѣлала бы для Греціи гораздо больше, ежели бы у власти остался Комундуросъ“.

Занмисъ, старый другъ Комундуроса, преслѣдовалъ только личныя цѣли и былъ недоволенъ тѣмъ, что первый министръ не уступалъ ему своего портфеля. Забывъ все прошлое, онъ предложилъ недавно свои услуги Делигеоргису. Занмисъ далъ понять, что онъ завидуетъ Комундуросу, и замѣтилъ въ разговорахъ со мною, что въ древности аѳиняне управлялись архон-

тами, избираемыми ежегодно. Онъ объясняетъ этимъ, почему населеніе Аѳинъ привыкло традиціонно къ частой смѣнѣ правительства и это сдѣлалось для него даже необходимостью.

Трикуписъ произвелъ на меня очень благопріятное впечатлѣніе. Онъ сказалъ мнѣ, что хотя онъ и принадлежитъ къ крайней лѣвой, тѣмъ не менѣе онъ поддержитъ Комундурса всякій разъ, когда онъ замѣтитъ, что палата своимъ голосованіемъ хочетъ добиться его отставки, такъ какъ по его мнѣнію Комундурсъ гораздо болѣе горячій патриотъ, нежели многіе лидеры партій.

Лидеры партій дали мнѣ понять, что если послѣ всѣхъ официальныхъ заявленій, сдѣланныхъ Россіей (циркулярныя ноты канцлера и рѣчи, произнесенныя Императоромъ въ Москвѣ), не будетъ объявлено войны, или если Турція не согласится на учрежденіе въ провинціяхъ населенныхъ христіанами, автономной національной администраціи, то нашъ престижъ упадетъ.

Сэръ Г. Эллиотъ (пріѣхавшій въ Константинополь наканунѣ) сказалъ королю и всѣмъ грекамъ, обратившимся къ нему, равно какъ и принцу Альфреду, что Турціи предстоитъ прекрасное будущее, что христіане широко воспользуются равенствомъ и свободами, пріобрѣтенными ими послѣ обнародованія турецкой конституціи, что послѣ смерти Абдуль-Азиса положеніе въ корнѣ измѣнилось и между мусульманскими и христіанскими подданными Турціи установилось полиѣйшее братство. Видно было, что великобританскій посланникъ старался внушить этотъ взглядъ и принималъ химеры Мидхада за дѣйствительность.

Эллиотъ признался Фотиодесу, турецкому посланнику въ Аѳинахъ, — съ которымъ онъ бывалъ иногда очень откровененъ, не подозрѣвая, что тотъ, какъ другъ Махмуда, поддерживалъ со мною самыя дружескія отношенія, — что онъ готовитъ къ своему возвращенію въ Англію записку, которая вполне оправдастъ его поведеніе въ глазахъ Торійскаго кабинета и обеспечитъ ему поддержку Биконсфильда и лорда Дерби: поэтому онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ вернется въ іюль мѣсяцъ на свой постъ въ Константинополь. Эллиотъ говорилъ также Фотиодесу, что у Россіи нѣтъ болѣе предлога воевать съ Турціей, такъ какъ Мидхадъ рѣшилъ выполнить всю программу конференціи, за исключеніемъ учрежденія европейскихъ контрольных комиссій, которыя Эллиотъ не одобрялъ.

Маркизь Салисбюри, защищая меня въ Аѳинахъ, сказалъ, однако, греческому королю, что „поведеніе русскаго посланника и все, что онъ говоритъ, до того отлично отъ того, что знали въ Англіи изъ донесеній англійскихъ агентовъ при различныхъ дворахъ и изъ газетныхъ сообщеній“, что для него это являлось загадкой и что во время его переговоровъ со мною и негоціацій съ Турціей въ его умѣ не разъ возникали сомнѣнія; но въ концѣ концовъ „очевидность и вполнѣ определенное, ясное, открытое, лояльное, послѣдовательное, умѣренное и твердое поведеніе представителя Россіи разсѣяли всѣ эти сомнѣнія“. Онъ сознался, что прошлое Шувалова и его извѣстное легкомысліе не внушали ему довѣрія и что въ Англіи „желали назначенія посланникомъ въ Лондонъ генерала Игнатъева, въ увѣренности, что, обладая непрерываемымъ авторитетомъ въ дѣлахъ Востока, онъ примиритъ дѣйствительные интересы Россіи и Англіи“.

Лично, маркизь Салисбюри желалъ дѣйствовать въ Константинополѣ въ полномъ согласіи съ Россіей, но онъ не думалъ, чтобы европейскіе кабинеты захотѣли принять на свой счетъ „пощечину“, данную имъ Портой.

Секретарь Салисбюри, г. Кюрри, говорилъ Сабурову, что было пущено въ ходъ не мало интригъ, чтобы „поссорить Великобританскаго посла съ русскимъ уполномоченнымъ, вызвать подозрѣнія и возбудить зависть; маркизу Салисбюри говорили со всѣхъ сторонъ, что я „его провель“ и турки (Мидхадъ и Эдхемъ) даже въ послѣднюю минуту распустили слухъ, будто я замышляю безъ вѣдома конференціи заключить тайное соглашеніе непосредственно съ самой Портою“. Эдхемъ-паша, искажая то, что произошло на послѣднемъ засѣданіи конференціи, говорилъ, будто я предлагалъ ему пріѣхать въ Петербургъ въ качествѣ уполномоченнаго, чтобы вести переговоры непосредственно съ Императорскимъ кабинетомъ, но не упомянулъ о томъ, что онъ самъ предложилъ мнѣ вопросъ: „что остается дѣлать Портѣ послѣ закрытія конференціи, чтобы избѣжать войны съ Россіей“?

Изъ всѣхъ этихъ изліяній и дружескихъ сообщеній англійскихъ агентовъ вытекало, что въ ноябрѣ можно было еще опасаться войны съ Англіей, между тѣмъ какъ въ январѣ, послѣ закрытія конференціи, Великобританскій кабинетъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода ссориться съ нами. Несмотря на увѣренія и циркуляры канцлера, несмотря на занесиванія нашего посла, въ Лондонѣ не вѣрили ни въ безкорыстіе, ни

въ честность политики Императорскаго кабинета (несмотря на двадцатилѣтнюю миролюбивую политику министерства князя Горчакова).

Достаточно было переговоровъ, происходившихъ между Салисбюри и мною, и Константинопольской конференціи, чтобы измѣнить взгляды торійскаго кабинета, но кн. Горчаковъ и гр. Шуваловъ не только не старались всячески использовать достигнутый мною моральный успѣхъ въ пользу Россіи, а скорѣе хотѣли свести его на нѣтъ и уничтожить всѣ его слѣды, съ цѣлью повредить лично мнѣ и помѣшать моему назначенію на постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Я избѣгалъ частныхъ бесѣдъ съ лидерами разныхъ партій изъ палаты общинъ, зная, что каждое мое слово будетъ перетолковано, какъ имъ заблагоразсудится; я ограничился тѣмъ что отдалъ визиты всѣмъ посламъ; съ парламентскими же лидерами я встрѣтился ad hoc на вечерѣ у русскаго посла, желая, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ моего обмѣна мыслей съ лидерами оппозиціи. Мы бесѣдовали всѣ вмѣстѣ на политическія темы; затѣмъ я говорилъ отдѣльно съ Заимисомъ, Делигеоргисомъ и Трикуписомъ.

Въ отвѣтъ на обвиненіе, формулированное послѣдними, что Россія забываетъ о грекахъ и пренебрегаетъ ими, я отвѣтилъ лидерамъ партій вполне откровенно и безо всякихъ увертокъ, что въ Аѳинахъ слѣдуетъ установить прочное правительство, съ которымъ можно было бы считаться и которое слѣдовало поддержать. Россія, говорилъ я, не можетъ создавать вопросы искусственно, по своему усмотрѣнію; достаточно регулировать и направлять ихъ по мѣрѣ того, какъ они возникаютъ сами собою; а для того, чтобы сговориться, какъ мы того хотѣли, съ Греціей, намъ необходимо было знать, съ кѣмъ намъ придется вести переговоры, не опасаясь постоянно внезапныхъ перемѣнъ министерства и политики; греки повидимому интересуются преимущественно Македоніей и Фракіей, двумя провинціями, гдѣ живетъ безспорно больше всего славянъ, смѣшавшихся съ греками и мусульманами, между тѣмъ они не сдѣлали еще ни одного серьезнаго шага къ тому, чтобы присоединить къ Греціи Эпиръ, Фессалію и острова, которые славяне вовсе не оспариваютъ у нихъ, греки побудили болгаръ отпасть отъ православія, чего мы всегда старались избѣжать; имъ приходится теперь признать, что они вступили изъ ненависти къ славянству на ложный путь и что въ провинціяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ схизма оказалась болѣе пагубной для греческаго насе-

ленія, нежели для болгаръ; въ настоящее время греки могутъ помочь бѣдѣ не иначе, какъ возстановивъ дружескія отношенія съ болгарами; такъ, они могли бы воспользоваться системой кантональной автономіи, которую совѣтовала провести конференція, чтобы вернуть утраченное вліяніе и стать во главѣ населенія, добившись избранія грековъ на административныя и судебныя должности.

Лидеры всѣхъ партій говорили мнѣ, что они встревожены предпочтеніемъ, которое Россія оказываетъ послѣднее время болгарамъ, и желали бы, чтобы намъ удалось найти въ Македоніи и Фракіи подходящую линію разграниченія между греческимъ и болгарскимъ элементами, и что ежели эта линія будетъ признана въ Аѳинахъ, то вся страна будетъ дѣйствовать заодно со славянами и возстанетъ противъ турокъ при первомъ знакѣ со стороны Россіи. Я пришелъ въ концѣ концовъ къ убѣжденію, какъ я и заявилъ это откровенно Сабурову и Императорскому кабинету, что для успѣха нашей политики слѣдовало, во что бы то ни стало, *безповоротно скомпрометтировать* какимъ бы то ни было образомъ грековъ въ глазахъ англичанъ, ибо если послѣдніе сумѣли бы использовать средства, которыя находились въ ихъ рукахъ на Востокѣ, то они легко могли бы эксплуатировать греческій элементъ и противопоставить его намъ самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ.

Мнѣ первому пришлось испытать всѣ непріятности, связанныя съ появленіемъ въ Сербіи русскихъ добровольцевъ съ строевыми офицерами во главѣ, на что я неоднократно жаловался. Это обстоятельство „сильно скомпрометтировало въ глазахъ турокъ и европейцевъ русскаго посланника въ Константинополь, который оставался по-прежнему на своемъ посту, какъ будто не имѣя права его покинуть“.

Между тѣмъ я не позволялъ ни одному иностранному дипломату обвинять въ моемъ присутствіи русское правительство въ неискренности. Я возражалъ дипломатамъ, участвовавшимъ въ конференціи, которые доказывали, что появленіе русскихъ добровольцевъ въ Сербіи было поступкомъ некорректнымъ по отношенію къ Турціи, и доказывалъ, что турки своими поступками относительно насъ давали намъ право отплатить имъ, между тѣмъ поведеніе императорскаго правительства было корректнѣе поведенія оттоманскаго правительства: его нельзя обвинять въ томъ, что оно не сдержало порыва, заставившаго частныхъ лицъ стать въ ряды единовѣрцевъ и бороться съ ними противъ мусульманскаго ига.

Вотъ что я ставилъ въ вину оттоманскому правительству:

1. Отъѣздъ и даже посылка въ Польшу во время возстанія въ 1863 г. офицеровъ изъ бригады, которой командовалъ Садыкъ-паша Чайковскій (полякъ по происхожденію).

2. Посылка оружія, денегъ, офицеровъ и эмиссаровъ на Кавказъ, во время усмиренія нами горцевъ.

3. Посылка трехъ турецкихъ офицеровъ инструкторовъ политическихъ эмиссаровъ въ Капгаръ, во время нашихъ осложненій съ Якубъ-беемъ, съ порученіемъ помочь англійскимъ агентамъ и возбудить противъ насъ мусульманъ средней Азіи, проповѣдуя панславизмъ. Я зналъ объ этой миссіи съ самаго начала и объ ней были поставлены въ извѣстность какъ наши власти въ Туркестанѣ, такъ и самая Порта.

4. На Кавказъ и даже на Волгу неоднократно посылались, въ особенности весной 1876 г., софты съ фанатическими прокламаціями, подъ предлогомъ, что всѣ мусульмане безъ различія принадлежатъ къ калифату Константинопольскихъ султановъ, и что султанъ есть папа всѣхъ мусульманъ-суннитовъ.

По возвращеніи моемъ изъ Аѳинъ и Вѣны въ Петербургъ, я увидѣлъ, что Императорскій кабинетъ занялъ по окончаніи конференціи нерѣшительное, безразличное положеніе, несоотвѣтствовавшее нашимъ интересамъ и нашему достоинству. Ничего не предпринимая, не намѣтивъ себѣ ясной и опредѣленной линіи поведенія, чтобы сгруппировать около себя колеблющихся, кн. Горчаковъ выжидалъ, чтобы кто-нибудь вывелъ насъ изъ безвыходнаго положенія, въ которое онъ поставилъ Россію безъ всякой надобности, согласившись несвоевременно на конференцію. Канцлеръ ограничился тѣмъ, что онъ обратился къ кабинетамъ съ безцвѣтнымъ циркуляромъ, съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе о томъ, какъ дѣйствовать дальше. Наше войско стояло подъ ружьемъ, мы связали себя рѣчью, произнесенной Императоромъ, и циркулярной нотой канцлера, разосланной въ ноябрѣ 1876 г., мы несли огромные расходы и никому, разумѣется, не было надобности положить конецъ этому ожиданію и вывести насъ изъ положенія, въ которое мы стали добровольно. Оно могло продлиться неопредѣленное время, подрывая наши финансы и наше вліяніе, и привело бы насъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ; оно могло принести пользу только Англій и въ особенности Турціи, которыя могли бы спокойно подготовиться къ рѣшительной борьбѣ, начавъ ее въ то время, когда мы были бы истощены и утратили бы всѣ дипломатическія преимущества, пріобрѣтенныя нами на конференціи.

Въ это время мною было высказано мнѣніе, которое можно формулировать вкратцѣ такъ:

Коль скоро нами была сдѣлана ошибка несвоевременной мобилизаціи, мы не могли демонстрировать армію, не достигнувъ какихъ-либо осязательныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе что:

1. Миръ между Турціей и славянскими княжествами еще не былъ заключенъ; а было заключено только продолжительное перемиріе до весны.

2. Турки, возбужденные нашими врагами, выведенные изъ своего оцѣпенѣнія нашей мобилизаціей, успѣли съ октября мѣсяца закупить боевые запасы и подготовиться къ войнѣ; они могли рѣшиться на безумный шагъ и атаковать насъ на Кавказѣ.

3. Турція стала уже не та, какою она была въ прошломъ году, это уже не Турція Абдуль-Азиса и Махмуда; въ Константинополѣ анархія, въ провинціяхъ нѣтъ никакой безопасности; слѣдовательно, надобно готовиться ко всякой неожиданности. Мы связаны нравственно по отношенію къ христіанамъ, обѣщавъ поддержать и спасти ихъ, матеріально же мы связаны съ Сербіей изъ-за нашихъ добровольцевъ.

4. Мы не получили ни малѣйшей гарантіи относительно того, что подобный же кризисъ и избіеніе христіанъ не повторятся вновь.

Коль скоро нами были произведены крупныя затраты и вся Россія была взволнована, слѣдовало, до принятія окончательнаго рѣшенія, тщательно взвѣсить, что было лучше: рискнуть вести войну, чтобы добиться извѣстнаго рѣшенія вопроса, или же предоставить Восточному недугу итти своимъ чередомъ и быть можетъ затянуться надолго. Только центральное правительство могло быть достаточно хорошо освѣдомлено, чтобы всесторонне освѣтить положеніе, притти къ опредѣленному заключенію и сдѣлать изъ него извѣстный выводъ.

Надобно было выбрать одинъ изъ трехъ путей:

I. Воспользовавшись окончаніемъ конференціи, Россія могла дѣйствовать совершенно независимо отъ прочихъ кабинетовъ, войти въ непосредственное соглашеніе съ Сербіей, Черногоріей, Греціей, Румыніей, Албаніей, съ болгарами и армянами для совмѣстныхъ дѣйствій въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; предоставить туркамъ нѣкоторое время самимъ выполнять реформы, указанныя конференціей, не особенно заботясь объ нихъ, и вести на этихъ началахъ переговоры прямо съ Портой, потребовавъ, чтобы въ Петербургъ былъ присланъ

чрезвычайный посолъ, ради удовлетворенія нашего національнаго самолюбія и спасенія нашего вліянія на Востокъ. Чтобы итти неуклонно по этому пути, слѣдовало бы послать меня въ Одессу, откуда мнѣ было бы легче руководить дѣйствіями моихъ агентовъ какъ въ Константинополь, такъ и въ провинціяхъ, и вызвать туда турецкаго уполномоченнаго. Такимъ образомъ можно было бы дойти естественнымъ путемъ до демобилизаціи русской арміи.

II. Выяснить непосредственно и какъ можно скорѣе намѣренія кабинетовъ, вмѣсто того чтобы ожидать, сложа руки, ихъ отвѣта на циркуляръ канцлера. Чтобы какъ можно проще и быстрѣе достигнуть этой цѣли, слѣдовало немедленно войти въ ежедневныя сношенія съ кабинетами и подсказать имъ отвѣтъ, который отъ нихъ ожидали.

Надобно было возможно шире использовать наше соглашеніе съ Англіей (Салисбюри) или вернуть себѣ свободу дѣйствій, на что я намекалъ во время конференціи, на тотъ случай, если въ Лондонѣ не захотѣли бы стать на одну точку зрѣнія съ нами. Если бы мы ничего не предприняли, то нами было бы безвозвратно утрачено драгоцѣнное время и это могло послужить намъ только во вредъ. Было бы желательно, чтобы кабинеты заявили, что они совершенно не вѣрятъ въ осуществленіе реформъ, обѣщанныхъ Портою; но такъ какъ она обѣщала въ настоящее время Англіи, что она ихъ выполнитъ, то турецкому правительству можно было бы дать отсрочку самое большее мѣсяца на два, чтобы посмотрѣть, какъ оно будетъ исполнять свои обѣщанія, подписавъ однако предварительно протоколъ, коимъ кабинеты обязались бы рѣшить сообща, какія именно мѣры слѣдовало принять, дабы въ случаѣ надобности принудить къ этому Порту. Такимъ образомъ ей была бы дана ничтожная отсрочка до 15 апрѣля,—пока военныя дѣйствія на Дунаѣ и въ особенности на Кавказѣ были невыслымы, а съ наступленіемъ мая мѣсяца державы могли бы принять поудительныя мѣры въ видѣ морской демонстраціи въ проливахъ и временной оккупаціи провинцій или же Россія при нравственной поддержкѣ Европы одна объявила бы войну Турціи.

III. Выяснивъ какъ можно поспѣшнѣе намѣренія кабинетовъ, можно было дѣйствовать противъ Турціи втроемъ, какъ это было сдѣлано послѣ свиданій въ Берлинѣ и Рейхштадтѣ. Я не одобрялъ этого частнаго соглашенія трехъ имперій и не предвидѣлъ отъ этого никакой выгоды для Россіи, но, полагая, что на это рѣшились по зрѣломъ обсужденіи, взвѣсивъ все

за и противъ и обезпечивъ себя солидными гарантіями, я настаивалъ на томъ, что надобно было использовать это положеніе до конца и что *послѣ моральнаго ущерба*, нанесеннаго соглашеніемъ трехъ державъ нашей политикѣ въ Европѣ, слѣдовало искать *компенсацію*, въ тѣхъ выгодахъ, какія можно было изъ него извлечь. Но чтобы идти этимъ путемъ, надобно было дѣйствовать, по моему мнѣнію, не такъ, какъ мы дѣйствовали до сихъ поръ въ Берлинѣ и въ особенности въ Вѣнѣ; а именно, надобно было поставить точки надъ і, надобно было ясно формулировать обязательства и взаимныя гарантіи и заставить нашихъ союзниковъ дѣйствовать открыто, отказавшись отъ общихъ мѣстъ, которыми до сихъ поръ злоупотребляли. Словомъ, по моему мнѣнію, надобно было заручиться содѣйствіемъ Берлина для заключенія денежнаго займа, который далъ бы намъ возможность справиться съ угрожавшими намъ событіями, заручиться гарантіей, что Австро-Венгрія выполнитъ свои обязательства на Востокѣ *въ томъ смыслѣ*, какъ мы ихъ понимали, и заручиться обѣщаніемъ, что въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ ни въ какомъ случаѣ ничего не предпримутъ противъ насъ до тѣхъ поръ, пока кризисъ не окончится.

Я замѣтилъ кромѣ того, что 1) заключеніе конвенціи относительно предполагаемаго раздѣла Турціи, о которой мнѣ смутно намекали *послѣ конференціи*, не показавъ мнѣ однако подлиннаго текста соглашенія, заключеннаго съ Андраши до марта мѣсяца 1878 г., могло только скомпрометтировать насъ какъ въ глазахъ Порты и Европы, такъ и въ глазахъ христіанскихъ народностей, ежели обѣ державы не поддержали немедленно своихъ требованій вооруженной силой.

2) Если дѣло дошло бы до окончательнаго разрыва между нами и Турціей и вопросъ не былъ бы улаженъ дипломатическимъ путемъ, то *минимальныхъ* требованій, на которыя конференція согласилась единственно съ цѣлью избѣжать войны и поддержать согласіе между кабинетами, каковыя должны были участвовать въ демонстративномъ единовременномъ отъѣздѣ представителей изъ Константинополя, оказалось бы уже *недостаточно*.

Мы уже не были обязаны дѣлать условныхъ уступокъ, мы должны были придерживаться единственно *первыхъ* предложеній, сдѣланныхъ конференціей во всей ихъ совокупности.

Къ сожалѣнію, Императорскій кабинетъ не принялъ твердаго рѣшенія, не представилъ на благовоззрѣніе Императора никакой стройной, логической программы, а предпочелъ жить

со дня на день, продолжалъ держаться системы такъ называемыхъ благоразумныхъ *полумъръ*, не потрудившись подумать о завтрашнемъ днѣ и использовать обстоятельства въ пользу Россіи, и обсуждалъ эти мѣры исключительно съ точки зрѣнія *личныхъ вопросовъ*, игравшихъ всегда первую роль въ умѣ князя Горчакова.

Уѣхавъ изъ Константинополя на „Эрикликъ“¹⁾ и сдѣлавъ остановку въ Аѳинахъ, я проѣхалъ сухимъ путемъ Коринѳскій перешеекъ и сѣлъ снова на „Эрикликъ“ въ Патрасскомъ заливѣ. Сойдя съ парохода въ Бриндизи, я поѣхалъ черезъ Болонью въ Вѣну, гдѣ остановился на сутки, чтобы дать отдохнуть супругѣ, а затѣмъ намѣревался немедленно ѣхать далѣе; но императоръ Францъ-Іосифъ милостиво далъ мнѣ на другой же день аудіенцію и настаивалъ на томъ, чтобы я остался на два дня, до придворнаго бала, гдѣ моя жена была бы представлена императрицѣ.

Я долженъ былъ на это согласиться. Императорскій дворъ и лица высшаго вѣнскаго общества „оказали русскому посланнику въ Константинополѣ и его женѣ самый любезный пріемъ“. Гр. Андраши нѣсколько разъ подолгу бесѣдовалъ со мною довольно откровенно и отнесся ко мнѣ съ видимымъ уваженіемъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что „ему никогда не удавалось сойтись съ русскимъ кабинетомъ въ одномъ весьма существенномъ пунктѣ, а именно, относительно ближайшей цѣли, которую намъ надлежало преслѣдовать. По его мнѣнію коль скоро существовало убѣжденіе, что турки были неспособны выполнить необходимыя реформы къ благу христіанъ, было бесполезно толкать ихъ на этотъ путь и вообще не слѣдовало *преждевременно* мѣшаться въ это.

Между тѣмъ въ Петербургѣ только и говорили о „реформахъ“.

Гр. Андраши высказалъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что „переговоры о турецкихъ дѣлахъ не велись нами непо-

¹⁾ Хоббартъ-паша пустилъ слухъ, будто яхта, на которой я ѣхалъ съ женою и сыномъ, будетъ пущена ко дну какимъ-нибудь турецкимъ броненосцемъ, который приблизится къ ней случайно или подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ и стукнетъ ее какъ бы невзначай, чтобы пустить ее ко дну и отдѣлаться такимъ образомъ отъ человека, котораго и турки и западные дипломаты одинаково побаивались. „Эрикликъ“ былъ снабженъ торпедами и командиру яхты было разрѣшено пустить ихъ въ дѣло противъ всякаго военнаго турецкаго судна, которое приблизится съ враждебными намѣреніями, какъ будто посланника не было на суднѣ. Торпеды держались наготовѣ во время всего пути изъ Константинополя въ Дарданеллы.

средственно. Онъ былъ увѣренъ, что они привели бы безъ всякихъ недоразумѣній къ дѣйствительному соглашенію“.

Я телеграфировалъ кн. Горчакову изъ Вѣны, что „у обоихъ (у императора Франца-Іосифа и гр. Андраши) преобладаетъ въ рѣчахъ одна и та же нота, а именно они находятъ, что не слѣдуетъ ничего предпринимать, а надобно предоставить событія, которыя могли дать поводъ къ вмѣшательству, ихъ естественному теченію. Они настаиваютъ на томъ, что достоинство Европы оскорблено и что послѣ конференціи вопросъ пересталъ быть русскимъ, а сталъ европейскимъ. Послѣ трагическихъ событій прошлаго года продолжительное и безконечное выжиданіе конечно легче для западныхъ державъ, нежели для пограничныхъ съ Турціей народовъ. Эта бездѣятельность особенно затруднительна для Россіи, которая, мобилизовавъ часть своей арміи, должна стоять подъ ружьемъ въ то время, какъ безопасность христіанъ ничѣмъ не обезпечена и событія могутъ принять неожиданный оборотъ, тѣмъ болѣе, что роспускъ русскихъ войскъ, сосредоточенныхъ на границѣ, когда державами еще не достигнуто никакихъ результатовъ, непомѣрно увеличилъ бы высокомеріе и хвастливость турокъ“.

Я замѣтилъ также, что паденіе Мидхада, предсказанное мною моимъ коллегамъ и между прочимъ Зичи, который находился въ тотъ моментъ въ Вѣнѣ, смутило мадьяръ и друзей Турціи. Поэтому всѣ дипломаты, коихъ мнѣ довелось видѣть въ Вѣнѣ, признавали, что надобно было во что бы то ни стало поддержать общеевропейское согласіе. Несмотря на всю предупредительность и любезность гр. Андраши, я не дался въ обманъ, я видѣлъ, что австро-венгерскій министръ не былъ искрененъ, что онъ игралъ, въ сущности, въ руку Бисмарка и его политики и пугалъ императора призракомъ Кошута, чтобы быть необходимымъ. Армія была настроена весьма сочувственно къ Россіи, но мы могли достигнуть искренняго соглашенія съ Австро-Венгріей лишь въ томъ случаѣ, ежели бы мѣсто гр. Андраши въ Sraatskanzlei занялъ гр. Альф. Потоцкій или еще лучше ген. Молинари.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

